

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2

К вопросу о развитии источниковой базы исторической науки в России в 40–60-х годах XIX века

А. В. Афонюшкина

Афонюшкина Анна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет, afonyushkina.a@yandex.ru

В статье рассматривается политика правительства России в области публикации исторических источников в XIX в., проявившаяся в отношении к издательской деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете. Правительственная политика и деятельность в области науки являлись мощнейшим средством воздействия на российское общество. Гуманитарные науки и в особенности – историческая, ощущали правительственный контроль в наибольшей степени, поскольку предмет изучения и преподавания давал материал для идеологической работы самодержавной власти и правительства. Автор приходит к выводу о том, что вмешательство в научные дела не было и не могло быть неограниченным. Оно сталкивалось со стремлением университетов противостоять административному диктату, отстаивая потребности изучения отечественного и зарубежного прошлого.

Ключевые слова: правительственная политика, историческая наука, Общество истории и древностей российских, Министерство народного просвещения, Московский университет, административный диктат, российская научная мысль, исторический источник, публикация переводов, «вредные» книги, цензура.

Поступила в редакцию: 26.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

On the Problem of Development of Source Base on History in Russia in the Middle of the 19th Century

A. V. Afonushkina

Anna V. Afonushkina, <https://orcid.org/0000-0003-4080-0275>, Voronezh State University, 88 Moskovsky Ave., Voronezh 394018, Russia, afonyushkina.a@yandex.ru

The article is concerned with the government policy in the field of publication of scientific origins connected with activities of Russian Historical association in Moscow University. The government activity in scientific sphere was connected with ideology. Ministry of enlightenment tried to prohibit publication of 'harmful' books. The author concludes that government interference into scientific affairs could not be unlimited. Russian university scientists protested against administrative influence into development of science and publication of historical sources.

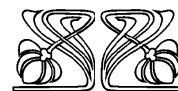
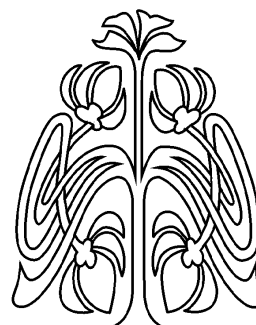
Keywords: government policy, History, Russian Historical association, Moscow University, administrative influence, ministry of enlightenment, Russian scientific thought, historical source, publication of translations, «harmful» books, censorship.

Received: 26.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

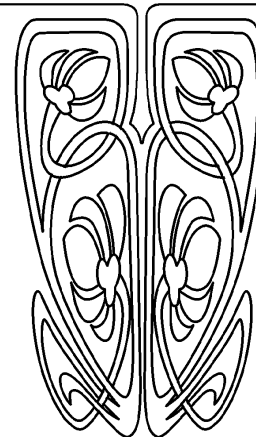
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>

Деятельность правительства России являлась неременным условием существования науки в стране в XIX–начале XX в. Политика правительства не только оказывала влияние на ход научных исследований,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

но и отражала попытки направить развитие науки в нужное самодержавию русло, скорректировать внутренние закономерности и потребности этого развития. Если рассматривать систему образования как часть научной жизни, не только как поставщика для науки ее носителей – ученых и преподавателей, но и как совокупность форм научного просвещения и идейного воспитания населения, дифференцированных в зависимости от социальной принадлежности, то правительственная политика и деятельность в области науки выглядят мощнейшими средствами воздействия на российское общество. В наибольшей степени правительственный контроль ощущали гуманитарные науки, и в особенности – историческая, поскольку предмет изучения и преподавания – отечественное и зарубежное прошлое – давал материал для идеологической работы самодержавной власти и правительства.

Тема, вынесенная в заголовок настоящей статьи, одинаково важна для понимания таких областей отечественного дореволюционного прошлого, как история общества и государства и история науки. Правительственная политика и деятельность в отношении научной жизни страны и исторической науки рассматриваются в рамках середины и начала второй половины XIX в.

Политика правительства России в области публикации исторических источников в XIX в. рельефно проявилась в его отношении к издательской деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете. Дореволюционные авторы, специально занимавшиеся этой темой, затронули лишь столкновение правительства и Общества в попытке издать на русском языке сочинение Джайлса Флетчера о России XVI в.¹ Еще более узкий вопрос – историю перевода книги на русский язык – осветил А. А. Титов². Советские исследования, упоминающие об этой неудачной издательской попытке, немногочисленны³.

Изучение событий, в ходе которых публикация сочинения Дж. Флетчера пересеклась с правительственными интересами, дает возможность выяснить некоторые характерные черты управления исторической наукой в России.

В 1847 г. в деятельности Общества истории и древностей российских, существовавшего при Московском университете, появилось новое направление – «перевод с древних и новых языков иностранных сказаний о России и издание их»⁴. Инициатором этой работы был один из наиболее деятельных членов Общества, управляющий Московским главным архивом Министерства иностранных дел М. А. Оболенский, предложивший план «Об издании иностранных сочинений и актов о России в переводе и подлинниках»⁵. Предполагалось начать публикацию в «Чтениях» Общества иностранных источников по истории России в русских переводах с приложением оригиналов. В числе иностранцев, работы которых планирова-

лось издать, – С. Герберштейна, Я. Рейтенфельса, А. Олеария и других – значился и англичанин Джайлс (Джилс) Флетчер, книга которого о России времен Ивана IV и Федора Иоанновича вышла на английском языке в 1591 г. в Лондоне⁶. Общую редакционную подготовку публикаций поручили сотруднику Археографической комиссии, члену Общества Н. В. Калачову.

Основной технической работой по изданию трудов иностранных авторов должен был заниматься О. М. Бодянский, секретарь Общества и редактор его «Чтений», только что вступивший в должность ординарного профессора кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете.

С одобрения и при поддержке председателя Общества С. Г. Строганова, занимавшего тогда пост попечителя Московского учебного округа, Бодянский намеревался напечатать сочинение полностью. Ранее книга Флетчера была известна в России по выпискам из нее, включенным Н. М. Карамзиным в «Историю государства Российского». По значимости и относительной достоверности сведений о России последней четверти XVI в. труд «умного путешественника» превосходил многие из известных русской общественности записок иностранцев⁷. В то же время в полном объеме сочинение Флетчера было недоступно ни деятелям науки, ни читающей публике. По одному экземпляру его английского подлинника хранилось в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и в сборнике иностранных авторов библиотеки Румянцевского музея в Петербурге⁸. Поэтому московские историки, группировавшиеся вокруг Общества истории и древностей, прилагали усилия для перевода и публикации сочинения Флетчера. По новому цензурному уставу разрешалось печатать без изъятия «предосудительных мест» все, что относилось к истории России до воцарения Романовых. К тому же Общество, имевшее статус университетского, подлежало цензуре Совета университета.

Перевод книги Флетчера на русский язык был сделан с английского издания 1591 г., хранившегося в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и был представлен М. А. Оболенским. Исследователи «дела Флетчера» долго считали, что управляющий архивом являлся и переводчиком текста, и только в 1910 г. С. А. Белокуров установил, что переводчиком был Д. И. Гиппиус – один из служащих, состоявший при архиве Комиссии печатания государственных грамот и договоров⁹.

Общество истории и древностей российских планировало поместить перевод сочинения Флетчера в отдел «Материалы иностранные» в «Чтениях», а английский подлинник «назначалось выпустить впоследствии»¹⁰.

Выпуск «Чтений в Обществе истории и древностей российских» с переводом сочинения Флетчера вышел в свет в сентябре 1848 г.¹¹ и по

традиции Общества был роздан присутствовавшим на первом после его выхода заседании действительным членам общества. В числе прочих получили его С. Г. Строганов, С. М. Соловьев и О. М. Бодянский. По подсчетам С. А. Белокурова, всего было отпечатано 965 оттисков труда Флетчера, в «Чтениях» была переплетена только часть их.

Далее произошло так, как объяснил в 1864 г. С. Г. Строганов: «Бывший в то время в Москве министр народного просвещения гр. Уваров, найдя в книге неодобрительные отзывы о русском правительстве и духовенстве, распорядился остановить выпуск и вырезать из книжки «Чтений» эту статью. И приказал запечатать сочинение Флетчера»¹².

Как вспоминал Бодянский, он «не более как через час получил от Уварова запрос: «Кто дозволил напечатание Флетчерова сочинения»? Получив ответ, что это сделано по распоряжению Строганова, министр вызвал секретаря Общества с только что вышедшей книжкой журнала. Последовало распоряжение немедленно «арестовать» выпуск сочинения, а розданные уже членам Общества экземпляры «Чтений» отобрать у них и присоединить к остальным. Аресту подверглись и подготовленные к печати листы английского подлинника. В продажу не поступило ни одного экземпляра сочинения Флетчера. Об инциденте Уваров доложил Николаю I¹³.

Из всех причастных к публикации труда Флетчера наказаны были только Бодянский и Строганов. Последнему император распорядился объявить строжайший выговор, что было сделано через московского генерал-губернатора А. А. Закревского. Строганов вынужден был оставить пост председателя Общества, подал в отставку и с постов попечителя учебного округа и председателя Московского цензурного комитета. Результатом «дела Флетчера» было подчинение издательской деятельности Общества по распоряжению императора общей цензуре.

Относительно Бодянского последовало распоряжение: «Уволить из редакторов и для пользы службы перевести в Казанский университет», а на его место в Москву перевести из Казани профессора В. И. Григоровича. Редактор «Чтений», по свидетельству современников, опасался, что его сошлют в Вологду или какое другое неуниверситетское место¹⁴.

Дореволюционные исследователи инцидента полагали, что факт издания сочинения Флетчера остался бы незамеченным и закончился без последствий для его организаторов, если бы не неприязненные взаимоотношения министра Уваровым и попечителя Строганова. А. В. Никитенко отметил, что в истории с Флетчером «Строганов, по выражению Гоголя, «нагадил» Уварову, Уваров – Строганову»: «Граф Уваров сбросил графа Строганова с места попечителя в Московском университете, Строганов отомстил ему в марте, представив государю записку о либерализме (ком-

мунизме и социализме), господствующем в цензуре и во всем Министерстве народного просвещения, так что граф Уваров сам едва удержался на месте»¹⁵. По свидетельству Ф. И. Буслаева, близко стоявшего к Строганову, последний совершенно не ладил с С. С. Уваровым, и если и держался на своем месте и что-то предпринимал по учебному округу и университету, то только лишь потому, что пользовался расположением Николая I и многое решал с ним лично. Именно таким образом Строганов письмом на имя императора «провалил» в 1847 г. подготовленный Уваровым проект нового устава университетов¹⁶.

В сентябре 1847 г. Уваров использовал против Строганова донос о выходе в Обществе «злонамеренного» сочинения. Ходили слухи, что авторами его были профессор Московского университета С. П. Шевырев и М. П. Погодин, приближенные к Уварову. Впоследствии биограф Погодина Н. П. Барсуков попытался снять с него это подозрение¹⁷. А. А. Титов допускал, что донос на Бодянского мог исходить и от И. П. Сахарова, у которого были намерения убрать профессора-слависта с руководящих постов в Обществе¹⁸. Наконец, подозревали члена Общества И. М. Снегирева¹⁹.

Неприязненные взаимоотношения влиятельных сановников империи не объясняют причин происшедшего. Их, как и донос на Общество, можно рассматривать лишь как повод к грубому вмешательству властей в жизнь авторитетного научного сообщества. Объяснением могут служить насаждаемые в стране идеология и внутривнутриполитическая линия, проводимая Министерством народного просвещения во второй половине 40-х гг. XIX в. С. С. Уваров, один из самых реакционных руководителей ведомства народного просвещения в дореволюционной России, известен и как один из творцов охранительной теории – «православие, самодержавие, народность»²⁰, под которую выстраивал руководимую им систему просвещения и науки в стране. Идеями единомышленниками Уварова были Шевырев и Погодин. Они усмотрели в публикации сочинения Флетчера посягательство на тщательно внедряемую охранительную идеологическую систему, в критике же английским путешественником церкви и управленческого аппарата конца XVI в. заметили покушение на основы самодержавия. Эпизод с «проступком» Общества рассматривался как наглядный урок русскому обществу. Высочайший вердикт по отношению к Бодянскому был принят тоже в духе и стиле официальной идеологии: его необходимо было наказать не просто как редактора «Чтений», а как одного из лидеров московской, да и общероссийской духовной жизни.

Бодянскому и Григоровичу предстояло поменяться местами службы, при этом первый проигрывал материально, так как жалованье профессора провинциального университета в то время было ниже, чем столичного. В октябре

1848 г. новый попечитель Московского учебного округа Д. Г. Голохвастов предложил ректору университета Д. М. Перевощикову сделать распоряжение об отправлении Бодянского к месту нового назначения, с выдачей ему на издержки 300 руб. серебром. Поскольку перевод профессора был уже оформлен приказом министра, правление университета в Москве с 1 ноября 1848 г. перестало выдавать ему жалованье²¹.

Бодянский попытался напомнить правлению университета законодательство о стипендиатах, получающих казенное содержание во время подготовки к профессорскому званию за границей: они обязаны были прослужить по назначению министерства не менее 12 лет. Срок его обязательной службы как бывшего профессорского стипендиата в Московском университете истекал только в 1854 г. В ответ на это министр уведомил попечителя: «Принимая в уважение слабость его здоровья, для которого, по его словам, не вреден один только московский климат, я предоставляю ему право просить об увольнении вовсе от службы, причем, впрочем, должно быть представлено законное свидетельство и сохранена им обязанность дослужить 12-летний срок, когда состояние его здоровья позволит ему исполнить это там, где министерство признает полезным употребить его»²².

Бодянский понимал, что перевод его в Казань продиктован не потребностями университетского образования в России, а желанием правительства наказать его. В декабре 1848 г. он представил в университет медицинское заключение о болезни и подал прошение об отставке. Профессор просил назначить ему пенсию за службу с 1837 г.²³

2 января 1849 г. состоялось высочайшее повеление об увольнении Бодянского с оставлением за ним обязанности дослужить оставшиеся 6 лет по ведомству народного просвещения в будущем. Место его на кафедре истории и литературы славянских наречий занял В. И. Григорович. В Казанском университете образовалась вакантная кафедра. Даже вмешательство Строганова, взявшего на себя всю ответственность за публикацию труда Флетчера, не помогло сохранить Бодянского на профессорской должности в Москве.

После ухода из Общества Строганова Бодянский не мог занимать в нем должность секретаря. Новым председателем был избран А. Д. Чертков, секретарем – И. Д. Беляев.

На посту секретаря и редактора Общества Беляев, как свидетельствовал Погодин, оказался не лучшей заменой Бодянскому²⁴. Профессор-славист был человеком универсальных знаний, в равной степени разбирался в древней русской истории, истории славянских народов и их письменных памятниках. Беляеву не доставало и организаторских качеств Бодянского. После пронесшейся над Обществом грозы по подсказке нового попечителя учебного округа «Чтения», закончившись 23-м номером в 1848 г., не издавались,

вместо них с той же периодичностью (4 книги в год) выходил «Временник» Общества.

Григорович на месте Бодянского в Московском университете чувствовал себя очень неловко, лекций почти не читал, а в конце 1849 г., пользуясь тем, что оставленная им в Казани кафедра не была еще занята, вернулся на старое место службы. В том же году ушел в отставку министр Уваров, и Николай I, обещавший Строганову пересмотреть дело Бодянского, как только сменится руководство Министерства народного просвещения, снял опалу с профессора. 22 декабря 1849 г. ученый вернулся к профессорской деятельности в Москве²⁵. Советские исследователи считали, что после неудачи с книгой Флетчера Осип Максимович стал более осмотрительным, отошел от исторической проблематики и занимался главным образом славянскими языками²⁶.

Не дошедшая до читателей книга Флетчера в русском переводе и английском подлиннике лежала запечатанной в типографии Московского университета. Однако часть ее экземпляров все же попала в частные руки. Не возвратил книжку «Чтений» с сочинением англичанина Погодин, сославшись на разрешение Уварова. Члены Общества Ундольский и Шелковников вернули номер журнала с вырезанным сочинением, объяснив, что они предусмотрительно его «истребили». Экземпляр «Чтений» остался и у Строганова. Впоследствии из опечатанного тиража по распоряжению «высшего начальства» делались изъятия: 2 экземпляра были доставлены в петербургскую Публичную библиотеку и переданы в руки М. А. Корфа, один передали в канцелярию попечителя Московского учебного округа, 13 – в Министерство народного просвещения. Всего с 1853 по 1862 г. был вытребован «для служебных надобностей» 31 экземпляр²⁷. Часть работы, проделанной Обществом в 1847–1848 гг. по подготовке сочинения Флетчера к печати, увидела свет. В 1850 г. во «Временнике» был напечатан «Статейный список» посольства Флетчера в России 1588 г.²⁸, подготовленный, как полагал Белокуров, в 1848 г. к печати одновременно с переводом книги²⁹.

Несмотря на неудачу 1848 г., мысль о выпуске в свет сочинения Флетчера не покидала Бодянского. В 1857 г. он опять был избран секретарем Общества истории и древностей российских, возвратился на пост председателя и Строганов. Бодянскому было поручено возобновить издание «Чтений». В 1860 г. его внимание привлекла статья Ю. В. Толстого, в будущем товарища обер-прокурора Синода, о Флетчере и его записках, появившаяся в первой книжке «Библиотеки для чтения». Автор статьи не только излагал историю написания сочинения, но и цитировал большие отрывки из него. Поняв, что отношение цензуры к книге англичанина изменилось в лучшую сторону, Бодянский попытался убедить Строганова, чтобы тот поставил вопрос о завершении публикации ее перед министром на-

родного просвещения Е. П. Ковалевским и лично Александром II. В записке на имя председателя Общества он писал: «Да неужели суждено русскому переводу и английскому подлиннику... сгнить в подвалах типографии Московского университета? Довольно с них и 12-летнего заключения под 12-тью печатями: ведь даже и десятилетняя давность уже прошла»³⁰.

Бодянский понимал, что во избежание новых недоразумений сочинение Флетчера необходимо издать «хитро»: сохранить весь текст оригинала, но снабдить его «оговорками» (примечаниями) редактора, а старое предисловие М. А. Оболенского заменить введением – комментариями, где объяснить «порочащие» Россию места. Однако усилия Строганова не дали результатов уже на уровне министра народного просвещения.

В 1862 г. ведомство народного просвещения возглавил А. В. Головнин, дававший повод считать его либералом. Бодянский обратился с запиской непосредственно к нему. Изложив события 1848 г., он представил министру экземпляр перевода труда Флетчера. Головнин затребовал от попечителя учебного округа еще 18 экземпляров. Казалось, министр начал заинтересованно вникать в дело. Однако 5 января 1863 г. пришел его отрицательный ответ: «Я не могу в настоящее время, при существовании того же законодательства, разрешить издание помянутого сочинения и полагаю необходимым повременить до издания новых цензурных правил»³¹.

И все же Головнин, побуждаемый циркулирующими в ученых кругах толками о несправедливом наказании Общества истории и древностей российских в 1848 г., решил продемонстрировать новое отношение к давно прошедшему делу. Отвергнув предложение о новом издании английской книги, он попытался добиться разрешения на распространение хотя бы среди членов Общества и подписчиков на его периодические издания тех оттисков, которые были арестованы.

13 апреля 1864 г. вице-директор департамента народного просвещения К. К. Петерс передал Бодянскому поручение Головнина: «Доставить в департамент... для представления г. министру сто экземпляров перевода известного сочинения Флетчера о России»³². Поручение министра вызвало замешательство Строганова и Бодянского: оттиски были запечатаны по высочайшему повелению и освободить из-под ареста такое количество экземпляров могла только высшая воля. 26 апреля Строганов сообщил в департамент ответ Бодянского: «Сочинение это хранится запечатанным в типографии университета и может быть выпущенным только по формальному предписанию г. министра на имя председателя»³³.

Министру понадобился и список членов Общества, и подписчиков на его труды. Стремясь обзавестись союзниками, Головнин раздавал книгу Флетчера для прочтения в правительственных кругах и высшим сановникам империи.

В мае 1864 г. министр доложил о ходатайстве Общества императору, упомянув и о личной своей заинтересованности в рассылке оттисков ограниченному кругу лиц. Воля императора гласила: «Отмеченные в помянутом экземпляре места прочесть Комитету министров, чтобы гг. министры решили после этого: признают ли они удобным рассылку сей книги». При этом он пренебрег тем обстоятельством, что вопрос о труде Флетчера в силу его специального характера не мог быть отнесен к номенклатуре дел, подлежащих prerogative межведомственной инстанции.

В июне 1864 г. Головнин подготовил для Комитета министров обстоятельное представление. В основу его легло объяснение, которое дал по «делу Флетчера» Строганов еще в 1848 г.: «Сочинение Флетчера казалось мне такого содержания, что ни одна в нем строка не могла примениться к России нашего времени и что любопытная сатира эта содержит много важного, но только для современной ей истории древней Руси... Я полагал, что в настоящее время, когда вся Европа завистью смотрит на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицам духовным не могли казаться соблазнительными несколько резких мест в сочинении, писанном за 300 лет и напечатанном в ученом собрании»³⁴.

К представлению прилагался список лиц и учреждений, которые имели в 1864 г. подписку на «Чтения». В перечне значились 30 чел. почетных и действительных членов, среди них – наследник-цесаревич и 21 высший сановник; ни одна фамилия в нем не могла вызвать сомнений в благонадежности. Всего нужно было разослать 179 экземпляров книги, в том числе 28 – в научные и публичные библиотеки, статистические комитеты, гимназии, военные и духовные учебные заведения.

Министр народного просвещения записал и свое личное отношение к предмету. «Я, – отметил он, – с своей стороны не вижу никакого неудобства разослать этот перевод поименованным лицам и учреждениям, как по сущности самого сочинения Флетчера, весьма известного всем нашим ученым, так и потому, что резкие суждения его были напечатаны уж в других книгах с разрешения цензуры и что во многих сочинениях весьма благоразумно допускались цензурой отзывы даже более резкие о временах, более к нам близких»³⁵. Головнин просил учесть, что сочинение Флетчера «подверглось запрещению в то время», когда «правительство строго следило за обнародованием документов, относящихся даже к древней России». С тех пор, полагал он, обстоятельства «совершенно изменились»: уже опубликованы материалы процесса о царевиче Алексее Петровиче, многое «о мрачных сторонах правления Петра I»³⁶. К тому же эпоха, изображенная Флетчером, «до такой степени знакома во всех своих подробностях образованной русской публике, что суждения Флетчера не представляют для нас ничего особенно нового»³⁷. «В

наше время, – заключил министр, – не в ученых только, но даже в беллетристических произведениях (например, в романе графа Толстого «Князь Серебряный») высказаны были о характере Ивана Грозного и о различных мерах его управления такие резкие беспощадные приговоры, которые нисколько не уступают приговорам английского писателя XVI века»³⁸.

Особой частью представления шла подборка 11 текстовых фрагментов из сочинения Флетчера, признанных опасными для царской власти и духовенства. Каждый из них сопровождался пояснениями министра. Первым приводился отрывок, где отмечалось, что Иван Грозный, «как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови»³⁹, говорил, будто предками его были германцы⁴⁰. В комментарии замечалось, что об отсутствии у царя любви к родине уже много и свободно говорилось «в нашей литературе», более того, отечественные авторы характеризовали царя откровеннее: им «руководила одна заботливость об удовлетворении своих прихотей», для того, чтобы жениться на родственнице английской королевы, он готов был бросить родину, подданных, трон, захватить казну и плыть в Англию⁴¹.

Были выписаны слова Флетчера: «Оба класса, дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все найтено ими рано или поздно переходит в царские сундуки»⁴². Вместо комментария здесь приводилась выдержка из опубликованной в 1860 г. статьи М. П. Полуденского о «Русской истории» Д. Мильтона, где система грабежа населения при Иване Грозном описывалась еще более яркими красками⁴³.

Цитируя высказывание англичанина о том, что тираническое правление на Руси использовало в своих интересах «суеверие и лжеверие» народа, и с этой целью царь особенно покровительствовал духовенству и советовался с ним⁴⁴, Головин подчеркнул, что «это место ни в коем случае не должно служить поводом к запрещению», поскольку на самом деле речь здесь идет «о высоком достоинстве тогдашних русских царей и народа, именно о глубоком религиозном чувстве и полной преданности церкви и ее служителям»⁴⁵.

Флетчер писал о том, что управление областями и городами при Федоре Иоанновиче было построено на «угнетении и рабстве», которые были «так явны и резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться»⁴⁶. Цари, сами исповедуя «веру христианскую», соединяют правление с «явною несправедливостью и угнетением их подданных»⁴⁷. По поводу этой цитаты министр заметил, что в статье «Современника» за 1860 г. была напечатана еще более резкая характеристика «невежества, разврата, притеснений, дикости» в виде нормальных явлений для времени «московской централизации», а Грозный был «образцом нравственного безобразия, ханжества, попрания религии, разврата и убийства»⁴⁸.

Сослался он и на подобные характеристики из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Слова Флетчера о том, что власть московских царей держится на войске, которое, пользуясь своим положением, тоже «обижает и грабит простой народ по своему произволу», Головин находил вполне справедливыми, так как такое в XVI в. «было и во всей Европе»⁴⁹.

Помещенный англичанином анекдот о том, как Иван оправдывал свою политику «стрижки народа», а также замечание его относительно сознательного «отвращения» правительством народа от наук, литературы и путешествий (темными легче управлять) и что эта мысль была подсказана правительству духовенством, Головин не считал откровением, об этом не раз писала русская литература, и даже с ведома цензуры⁵⁰. «Вообще, – разъяснял министр, – жалобы на невежество нашего духовенства не только до Петра Великого, но и в его управление, слышатся непрерывно, и это нисколько не должно удивлять нас, если вспомним, что до XVII века не существовало почти вовсе школ в России»⁵¹.

Комментарий Головина на «избранные места» из сочинения Флетчера дает основание полагать, что при его составлении министру кто-то профессионально помог, однако и сам глава учебного ведомства обнаружил здесь серьезные исторические познания. Показательно, что он умело воспользовался методом исторического обоснования и оправдания высказываний англичанина применительно к истории России второй половины XVI в.

«Представление» Головина начало обсуждаться в Комитете министров 30 июня 1864 г. Кроме отмеченных в нем «соблазнительных мест», были найдены и другие 9 отрывков из рассуждений Флетчера о православной церкви, ее догматах, духовенстве, церковных обрядах и языческих примесях к христианской религии, которые министры сочли «заслуживающими особого внимания»⁵².

В Комитете министров «по выслушании этого дела» между его членами «произошло разномыслие»⁵³. Большинство из них (Д. А. Милютин, Г. П. Небольсин, П. А. Валуев, П. П. Мельников, Д. Н. Замятин, А. Л. Потапов, Н. К. Краббе, А. В. Головин и А. А. Зеленый) считали, что «резкие и неблагоприятные отзывы о России», написанные в XVI в., не могут быть в настоящее время оскорбительными для правительства и духовенства⁵⁴, сочинение Флетчера есть лишь «весьма любопытный документ для лиц, занимающихся отечественной историей»⁵⁵. Они высказались за рассылку хранящихся в Московском университете экземпляров этого сочинения «тем, кто их получает». При этом «в видах предупреждения излишнего распространения» записок «между лицами, недостаточно развитыми образованием»⁵⁶, эти члены Комитета предлагали принять решение о запрещении последующих перепечаток издания

и публикаций любых «статей и рассуждений» о нем в печати.

Иную позицию заняли 5 остальных членов Комитета: председатель П. Н. Гагарин, В. Н. Панин, К. В. Чевкин, В. Б. Фредерикс и П. А. Муханов⁵⁷. Видя главный вред книги «в высшей степени оскорбительных и ложных замечаниях о православной церкви» и указывая, что ее обряды и догматы «в настоящее время те же самые, какие были в XVI веке», меньшинство Комитета признало издание записок Флетчера и в 1848 и в 1864 гг. «совершенно неудобным и несогласным с законами Империи, воспрещающими обращение в публике каких бы то ни было сочинений, порицающих православную веру»⁵⁸. Исключалась и возможность рассылки уже отпечатанных экземпляров: не без основания полагали, что распространенное только в ученых кругах издание все же найдет выход к широкой читательской аудитории, тем более что ограничение круга адресатов вызовет у нее «нездоровый интерес». Не убедили меньшинство и ссылки министра на уже имеющиеся в печати цитирования записок: разрозненное изложение текста Флетчера в общих трудах по истории России не идентично распространению полного текста с авторской концепцией. «Разномыслие» членов Комитета было вынесено на усмотрение Александра II. Император повелел: «Исполнить по мнению меньшинства»⁵⁹.

Не удовлетворившись провалом инициативы Министерства народного просвещения, меньшинство вообще сочло, что дальнейшее хранение отпечатанных экземпляров сочинения Флетчера в Московском университете может привести к утечке оттисков, да и для самого Общества они представляют ненужный соблазн. От министра Головнина потребовали переместить остатки арестованного издания в Петербург. 16 июля 1864 г. попечитель Московского учебного округа получил из министерства секретное предписание: «Истребовать из Общества истории и древностей все имеющиеся в оном экземпляры помянутого перевода»⁶⁰.

Пользуясь тем, что секретарь О. М. Бодянский в это время находился за границей, Общество медлило с исполнением приказа. Но когда последовало требование «об ускорении дела», Строганов решился на известную бюрократическую уловку: он отписал Головнину, что его приказание вообще не может быть выполнено, поскольку покойный Николай I, решая судьбу издания, повелел хранить его «в самом Обществе». «Удобнее, – прибавил он, – оставить в силе высочайшее повеление и не возобновлять, без видимой пользы, память о давно забытом Флетчере»⁶¹.

В начале XX в. казначей и историк Общества С. А. Белокуров попытался разыскать арестованные экземпляры труда Флетчера, но не обнаружил их ни в Обществе, ни в университете. От служащих типографии он узнал лишь, что при сменах арендаторов не выпущенные по каким-либо причинам издания «периодически подвергались уничтожению»⁶². Возможно, при одной

из таких чисток было отправлено в макулатуру и сочинение «О государстве русском».

Запретив публикацию сочинения Флетчера в России, правительство оказалось бессильным навсегда закрыть его для русского читателя. В 1867 г. книга на русском языке появилась в Женеве, причем издание было выполнено по московскому оттиску 1848 г.⁶³, т. е. в переводе Д. И. Гиппиуса и с предисловием М. А. Оболенского. В промежутке между 1905 и 1911 гг. Флетчер был опубликован и в самой России не менее 5 раз.

Сочинение «О государстве Русском», несмотря на правительственный запрет, изучалось и исследователями, и студентами. В 1892 г. журнал «Русский архив» опубликовал рецензию на сочинение Флетчера по изданию Общества истории и древностей российских 1848 г.⁶⁴ В 70-х гг. книга была предметом изучения на занятиях, которые вел Е. Е. Замысловский в петербургском Историко-филологическом институте⁶⁵. В 1876 г. студент Казанского университета Краснодарский подготовил работу по теме «Флетчер и его книга о России XVI века»⁶⁶. Ограниченное число оригиналов сочинения англичанина в России дает основание предположить, что студенты пользовались русскими переводами текста.

Министерские усилия не распространять в России сочинение Флетчера свидетельствуют о том, что высшее учебное ведомство на протяжении нескольких десятилетий XIX в. лавировало между своими собственными обязанностями ограждать общество от «вредных» воспоминаний о прошлом, требованиями науки и общественным любопытством. В его деятельности в этом направлении встречается и жесткое вмешательство, и внешне подобие либерального подхода. Оказывали влияние и личные качества руководителей ведомства. В борьбе мнений вокруг публикации книги Флетчера имели место случаи, когда попытки министра как-то сгладить конфликт между самодержавием и наукой не находили поддержки вышестоящих инстанций, шедших на его сознательное обострение. Вмешательство министерства в научные дела не было и не могло быть неограниченным. Хотя высшее учебное ведомство и получало предупреждения о нежелательных «послаблениях» от III отделения и Министерства внутренних дел, вмешательство ограничивалось стремлением исторической науки противостоять административному диктату хотя бы на некоторых участках ее развития.

Примечания

- 1 См.: Белокуров С. А. «Дело Флетчера» 1848–1864 гг. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910.
- 2 См.: Тутов А. А. История первого перевода Флетчера // Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1905.

- ³ См.: Кондрашев Н. А. Осип Максимович Бодянский. 1808–1877. М. : Изд-во МГУ, 1956. С. 40–41.
- ⁴ Забелин И. Е. Историческая записка об Обществе // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР) : в 218 т. М. : Университетская типография, 1883. Т. 4. С. 56.
- ⁵ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 6.
- ⁶ См.: Fletcher J. Of the Russe Common Wealth. London, 1591.
- ⁷ См.: Толстой Ю. В. Флетчер и его книга о Русском государстве при царе Федоре Иоанновиче // Библиотека для чтения. 1860. № 1. С. 17–18.
- ⁸ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 8–10.
- ¹⁰ Титов А. А. Указ. соч. С. VII.
- ¹¹ См.: ЧОИДР. М., 1848. Т. 1. С. 1.
- ¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 6.
- ¹³ См.: Письма О. М. Бодянского к отцу. Письма И. П. Сахарова к О. М. Бодянскому // ЧОИДР. М., 1893. Т. 3. С. IX.
- ¹⁴ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. СПб. : Изд-во Погодина и Стасюлевича, 1896. Т. 10. С. 164.
- ¹⁵ См.: Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. Т. 1. С. 313.
- ¹⁶ См.: Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 139.
- ¹⁷ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 160–161.
- ¹⁸ См.: Письма О. М. Бодянского к отцу. Письма И. П. Сахарова к О. М. Бодянскому // ЧОИДР. М., 1893. Т. 3. С. IX–X.
- ¹⁹ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 165.
- ²⁰ Уваров С. С. Десятилетие министерства народного просвещения (1833–1843). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1864. С. 3–4.
- ²¹ См.: Попов Н. Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 годах // Русская старина. 1879. № 11. С. 476.
- ²² Цит. по: Попов Н. Указ соч. С. 476–477.
- ²³ Там же. С. 477.
- ²⁴ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 172.
- ²⁵ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 16.
- ²⁶ См.: Кондрашев Н. А. Указ. соч. С. 41–42.
- ²⁷ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 17.
- ²⁸ См.: Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских : в 25 т. М. : Университетская типография, 1850. Т. 8. С. 1–96.
- ²⁹ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 11.
- ³⁰ Цит. по: Там же. С. 18.
- ³¹ Цит. по: Там же. С. 19–20.
- ³² РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 134. Л. 1–2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Д. 130. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Л. 7.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Флетчер Д. О государстве русском. СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1905. С. 10.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См.: Последнее посольство королевы Елизаветы к Ивану Васильевичу // Русский вестник. 1861. № 11. С. 31–32.
- ⁴² Флетчер Д. Указ. соч. С. 25.
- ⁴³ См.: Полуденский М. П. «Русская история» Мильтона // Русский вестник. 1860. № 2. С. 535.
- ⁴⁴ Флетчер Д. Указ. соч. С. 26.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 9.
- ⁴⁶ Флетчер Д. Указ. соч. С. 28.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См.: Исторические очерки («История России с древнейших времен»). Соч. Сергея Соловьева. Т. VII и VIII // Современник. 1860. № 11. С. 69, 75.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 9.
- ⁵⁰ См.: Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М. : Тип. Николая Степанова, 1842.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 11.
- ⁵² Там же. Л. 17.
- ⁵³ Там же. Л. 17 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 17 об. 18.
- ⁵⁵ Там же. Л. 18.
- ⁵⁶ Там же. Л. 18 об.
- ⁵⁷ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 34.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 18 об.
- ⁵⁹ Цит. по: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 20 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 25.
- ⁶² Цит. по: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 38.
- ⁶³ См.: О государстве Русском. Соч. Флетчера. Б. м., 1867.
- ⁶⁴ См.: Остроглазов И. М. Книжные редкости // Русский архив. 1892. № 2. С. 248–250.
- ⁶⁵ См.: Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1874. № 8. С. 275.
- ⁶⁶ См.: Об учреждении стипендий при Казанском университете // ЖМНП. 1877. № 10. С. 430.

Образец для цитирования:

Афонюшкина А. В. К вопросу о развитии источниковой базы исторической науки в России в 40–60-х годах XIX века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 437–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>

Cite this article as:

Afonushkina A. V. On the Problem of Development of Source Base on History in Russia in the Middle of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 437–444 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>